

Надежды нас питают...

После Общего («объединительного») собрания РАН «НВС» попросила высказать своё суждение по произошедшему директору Института математики СО РАН члена-корреспондента РАН С.С. Гончарова.

— Сергей Савостьянович, от одного человека я услышал на днях, что в Москве состоялись окончательные торжественные похороны некогда могучей организации — Российской академии наук. Так ли это?

— Наверное, о конце говорить было бы преждевременно, — пульс прослушивается, даже более того — количественно мы стали даже многочисленнее. Но факт — это уже другая Академия. Какой она будет, зависит и от самих её членов, и от властей предрешающих.

Раньше это было основное ведомство, которое занималось фундаментальными исследованиями — ведущие учёные и институты, которые работали по самым актуальным направлениям науки. Теперь, что ни говори, произошло реальное разделение прежней структуры: ведущие учёные по-прежнему объединены в РАН, с пока ещё не до конца понятными функциями, а институты — отдельно. Тем самым Академию вроде бы «избавили от «несвойственных ей хозяйственных забот».

Предполагается некое соглашение между Академией и ФАНО об уточнении функций, прописанных в Законе о реформе РАН. В первую очередь, это осуществление экспертных оценок, но как это реально будет, пока мы не знаем. Кроме того, полноценная экспертиза может осуществляться лишь при полноценном участии институтов РАН, и как этим будет заниматься Академия, которой они вроде бы уже не принадлежат, непонятно.

На Конференции научных работников, за два дня до Общего собрания, выступили и руководитель ФАНО М.М. Котюков, который произвёл впечатление делового человека, озбоченного состоянием будущего российской науки, и руководитель Российского научного фонда Хлунов, но на самом собрании они уже не присутствовали. Так вот господин Хлунов, как известно, выходец из Минобрнауки, ещё раз подчеркнул, что в заявке на грант в первую очередь будет учитываться количество публикаций в ведущих журналах. Это положение вызывает особые опасения, потому что сами учёные хорошо знают, что ценность и актуальность той или иной научной работы определяется далеко не только количеством публикаций и индексом цитирования.

К тому же публикация публикации рознь. Как известно, у нас в России был единственный математик, который получил Нобелевскую премию за свои исследования применительно к экономике — академик Леонид Витальевич Канторович. Но по нынешним требованиям он даже не мог бы подать заявку на получение гранта, — мало публиковался. И таких примеров множество. То есть такая формализация оценки труда учёного совсем не способствует росту значимости его научного вклада в науку.

Не буду говорить за всю науку, но математика — это всё-таки особый род исследовательской деятельности, тут всё в первую очередь зависит от конкретного лидера. Разумеется, у нас тоже работает немало научных коллективов, но это всё-таки на основе уже выполненных разработок учёных-лидеров, вокруг которых собираются научные группы и развиваются дальше те или иные научные идеи. Итог — результат — итог долгих раздумий и создания соответствующей математической идеи, которая и лежит в основе результата. Поэтому в математике, да и не только в ней, невозможно вот так вот сесть и написать статью, а затем опубликовать её — прежде нужно получить научный результат. А он-то по заказу не всегда получается. Телегу нельзя ставить впереди лошади. Взять того же Перельмана: проблема Пуанкаре сто лет стояла, и смешно было бы говорить, что он решил её по заказу некоего руководства. Над тысячами аналогичных задач бьются тысячи выдающихся умов, а успех приходит лишь к единицам, — что же теперь всех остальных на «свалку истории науки»?

Так уж сложилось в науке, что она развивается преимущественно на мыслях и направлениях, предложенных ведущими учёными, а они, как правило, проходных статей вообще не пишут, им их количество совсем ни к чему, только время тратить. К тому же именно в математике как-то не принято коллективно подписывать статьи, подготовленные твоими учениками и сотрудниками, которые, конечно же, содержат идеи и подходы руководителя. В математике всегда очевиден уровень подготовленной статьи: вот это написал кандидат наук, а вот это — уже доктор, а вот здесь вообще чувствуется рука мэтра, члена Академии. Все это понимают и за количеством публикаций не гонятся. К тому же в математике почти отсутствует понятие научной коллаборации, точнее, она здесь совсем

другая. Вот и получается, если в физике вполне возможно в тридцать лет иметь несколько сот публикаций, то в математике это в лучшем случае будут лишь десятки, а совместные с зарубежными учёными — единицы.

Так что единый подход к оценке труда учёного очень непродуктивен. Понятно желание чиновников формализовать это дело, унифицировать, но грубых ошибок здесь не избежать.

— Скажите, пожалуйста, а сколько публикаций у вас, члена-корреспондента РАН, директора института, десятки лет проработавшего в науке?

— Сто с чем-то.

— А написанных в соавторстве?

— Где-то половина. В том числе несколько крупных работ в соавторстве с зарубежными коллегами из Америки, Германии, Италии... И в общем-то это типичная ситуация для математика.

— Михаил Михайлович Котюков ещё на встрече с директорами институтов в Академгородке говорил, что финансироваться, то есть иметь госзаказ, будет та наука, которая нужна государству. Как будет определяться эта «государственность» научных исследований?

— Пока трудно сказать. Ясно, что система грантов не решает эту проблему. Поступившие сегодня в РФ одиннадцать тысяч заявок на семьсот грантов говорят сами за себя. Чуть больше ясности с той тематикой, которая интересует ВПК и Дмитрия Олеговича Рогозина. Сейчас на переходный период в три года нам якобы оставили финансирование в прежнем объёме, что будет дальше — поживём-увидим. Хотя я надеюсь, что в правительстве, в руководстве страны и вообще в обществе есть понимание необходимости развивать науку, чтобы окончательно не превратиться в третью степенную сырьевую страну.

Наука — это основа образования и подготовки современных кадров для наукоёмких производств и создания новых современных технологий. Но для этого нужно в целом увеличивать финансирование науки, поднимать и зарплату учёных, и улучшать исследовательскую базу. Это на математику денег нужно в разы меньше, чем допустим, на ту же физику. Но и нам не хватает денег на командировки как важнейшее средство общения; у нас совершенно не удовлетворяющая нас подписка на зарубежные ведущие издания (официально выделены средства на подписку лишь трёх зарубежных журналов!). Правда есть и другие источники для пополнения библиотеки. А что есть в большинстве вузов, сотрудники которых призывают публиковаться в журналах, которые реально недоступны для многих российских учёных в вузах?

А ведь российская математическая школа до сих пор пользуется очень серьёзным авторитетом в научном мире, и сибирская, в частности. К нам охотно едут известные учёные, и себя показать, и у нас поучиться, потому что есть чему. Выпускники матфака НГУ в поисках более комфортных условий для работы разъезжаются по всему миру — от Америки до Новой Зеландии, и они там как минимум в разы больше получают за свой труд. Хотя, надо сказать, настоящий учёный ведь не за зарплатой гонится, ему, прежде всего, нужен научный интерес и научная перспектива. И среда, конечно. Но необходимый минимум комфорта учёному-математику всё же необходим. И когда-то в нашей стране и Академгородке, в частности, он существовал. Это совершенно никуда не годится, когда труд учёного с докторской степенью оценивается на уровне средней зарплаты по стране. Хотя, подчеркну, условия для занятий наукой у нас в Академгородке идеальные. Одно соседство с НГУ, где всегда можно найти достойных учеников, многого стоит.

— Любопытно, что ректор МГУ Садовничий, прошлым летом осторожно поддерживавший необходимость реформы РАН, на этот раз выступил с другим предложением (цитирую): «У нас есть Академия наук и университеты. — сказал он. — Если честно, не так сильно мы связаны. Хотя и там, и там мощный научный потенциал. Мы должны как можно теснее объединить потенциал Академии наук и университетов. Почему бы не пригласить в университеты молодых учёных из академии на должности профессоров — на полставки, на четверть ставки, не важно? Кооперация могла бы развиваться также через механизм аспирантуры. Ректоры очень заинтересованы в реальной интеграции высшего образования и Академии наук

для общих наших целей». — сообщил он. Мне даже как-то неловко стало за столь уважаемого учёного: они там, в Москве, вообще ничего не знают, что в стране делается?

— Не думаю, что так однозначно, но, увы, о деятельности Сибирского отделения, похоже, у них представление весьма размытое. Оно как раз и создавалось как симбиоз науки и образования. Но вот видите, как тут не вспомнить истину: любое новое — это хорошо забытое старое. Да и не старое вовсе, а активно действующее настоящее. Новосибирск, Томск, да и другие сибирские города давно и прочно в этом деле весьма преуспели: в частности, на матфаке НГУ реально работает около четырёхсот преподавателей, и лишь два десятка из них — штатные, университетские, а остальные — из институтов СО РАН, на полставки, на четверть ставки... К тому же половина из них — с докторской степенью. Поэтому и наш университет в тройке лидеров российского образования.

О чём это говорит? Да всё о том же: мы недостаточно пропагандируем наш уникальный опыт. Посмотрите, что делается в самом мощном средстве массовой информации — на телевидении: даже на государственных телеканалах бесконечные лженаучные шоу и «документальные» фильмы, накручивающие бесконечные мифы — от экстрасенсов до «великой тайны воды».

— Интересно, а как Минобрнауки собирается переиначивать всю отечественную университетскую систему с тем, чтобы усилить акцент на развитии именно вузовской науки?

— Многие ведущие учёные уже заявляют, что эта проблема вообще надуманная, она происходит всё от того же незнания российских реалий. Снова и снова нужно напоминать опыт Академгородка: здесь полвека назад лабораториями НГУ стали институты всего Сибирского отделения. Но в угоду требованиям времени и наши тоже стали подстраиваться, создавать дополнительные лаборатории в НГУ, что само по себе неплохо: деньги дают, в Топ-100 есть шанс попасть. Плохо другое, наш университет надо было давно и так развивать, засиделся он в старых стенах.

— Вернёмся к Общему собранию РАН: насколько вас воодушевила мысль о том, что наконец-то российская наука теперь будет единой, и учёные получают возможность дополнительных контактов?

— В общем-то это естественный интеграционный процесс: медицина сегодня невозможна без химии, генетики, физики и даже математики. Я знаю конкретный случай, когда учёный-математик участвовал в разработке модели кровотока. И медицинская, и сельскохозяйственные науки невозможны без генетики, математики, информатики, климатологии, нанотехнологий и т.д. Это процесс прогрессивный. Другое дело, как это будет организовано. Я пока не вижу адекватной замены аппарату президиума РАН и СО РАН, структуры, которая бы направляла эту работу. Мы всегда имели совместные проекты с коллегами из РАСХН, РАНХ, но как это

будет осуществляться теперь, большой вопрос. Хотя номинально вроде бы всё так: теперь одна Академия, будем все вместе. И РАН — это та площадка, где мы будем более активно теперь взаимодействовать и находить более тесные научные контакты.

— Голосование по проекту Устава РАН было, в общем-то, дружным, зря Владимир Евгеньевич Фортов опасался. К тому же отрицательно радикально настроенных выступлений и на конференции, и на Общем собрании почти не было. Учёные сделали выводы?

— Разумеется, хотя они не были такие уж лучезарные. Люди науки — народ, как правило, прагматичный: закон о реформе РАН принят, надо работать в новых условиях и бороться за его улучшение. К тому же готовится новый закон — о науке вообще. Жаль, конечно, что далеко не все средства массовой информации были в минувшие месяцы на стороне учёных: наряду с поддержкой интересов науки происходило и шельмование заслуженных людей — телевизионщики сочиняли мифы об их корыстолюбии, кроили их образы по колодке заевшихся чиновников и т.п. Ну что ж, придётся работать и дальше, отстаивать настоящую науку, надеюсь, в России найдутся новые Калитцы и Кругляковы.

— Вы были одним из тех, кто подписал известное обращение членов-корреспондентов за сохранение этого звания в системе РАН. А весьма уважаемого академика Велихова после его известного предложения не избрали в президиум. Почему?

— Цитирую наше заявление: «Членство в РАН, как и в любой организации — внутреннее дело этой организации, которое регулируется её уставом. Совершенно непонятно, почему авторы письма обращаются к Президенту РФ с просьбой урегулировать такой внутренний вопрос целым Федеральным законом...»

И я с этим утверждением совершенно согласен: академическое сообщество само в состоянии определить своих членов. К сожалению, там, где начинается вмешательство сил сверху и давление, ничего путного не получается. Тот же мораторий на выборы в Академию, на три года навязанный со стороны Минобрнауки, только увеличил разрыв между возрастными группами ведущих учёных. Хотя, я убеждён, российская наука жива, будет жить, и её весьма трудно забыть даже тем, кто этого, может быть, очень хочет.

Алексей Надточий, «НВС»
Фото В. Новикова

Конкурс

ФГБУН Институт неорганической химии им. А.В. Николаева СО РАН объявляет конкурс на замещение должности на условиях срочного трудового договора: старшего научного сотрудника в лаборатории физики низких температур по специальности 02.00.04 «Физическая химия» — 1 вакансия. Требования к кандидатам в соответствии с квалификационными характеристиками, утвержденными постановлением Президиума РАН от 25.03.2008 г. № 196. Срок подачи документов — в течение 2-х месяцев со дня публикации объявления. Дата конкурса — 19 июня 2014 года. Заявления и документы направлять по адресу: 630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 3. Объявление о конкурсе и перечень необходимых документов размещены на сайте института (<http://www.niic.nsc.ru>, раздел «Новости») и Президиума СО РАН (<http://www.sbras.nsc.ru>). Справки по телефону 330-79-49 (отдел кадров).

ФГБУН Институт углекислоты и химического материаловедения СО РАН объявляет конкурс на замещение должностей: главного научного сотрудника лаборатории неорганических наноматериалов по специальности 02.00.01 «неорганическая химия» — 1 ставка; ведущего научного сотрудника лаборатории катализа в углекислоте по специальности 05.17.07 «хи-

мическая технология топлива и высокоэнергетических веществ» — 0,8 ставки; ведущего научного сотрудника лаборатории катализа в углекислоте по специальности 02.00.04 «Физическая химия» — 0,3 ставки; научного сотрудника лаборатории высокотемпературных углеродных материалов по специальности 05.17.07 «химическая технология топлива и высокоэнергетических веществ» — 1 ставка; научного сотрудника лаборатории катализа в углекислоте по специальности 02.00.04 «Физическая химия» — 0,5 ставки. Требования к кандидатам — в соответствии с квалификационными характеристиками, утвержденными постановлением Президиума РАН от 25.03.2008 г. № 196. С победителями конкурса будет заключен срочный трудовой договор по соглашению сторон. Срок подачи документов — не позднее одного месяца со дня публикации объявления. Дата проведения конкурса: 21 мая 2014 г.; место проведения конкурса: конференц-зал ИУХМ СО РАН, пр. Советский, 18. Заявления и необходимые документы направлять по адресу: 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 18, ИУХМ СО РАН, отдел кадров. Объявление о конкурсе и перечень необходимых документов размещены на сайте ИУХМ СО РАН (www.iccms.sbras.ru). Справки по тел.: (3842) 36-38-44.